

Почтальон придет во-время...

В большом сером доме на Муссонской площади разместились отделы социального обеспечения двух смежных районов: Советского и Ленинградского. Ежедневно с утра к дому направляются сотни людей. Только в этих двух районах пересматриваются, в соответствии с новым законом, пенсии более шестидесяти тысяч граждан.

Скоро эта цифра еще более возрастет. Вот к столу дежурной инспектора Ленинградского районного отдела Елена Николаевна Еводкина. Она рассказывает, что, проработав более девяти лет, оставила службу по болезни; не дает ли ей новый закон право на пенсию?

Да, она это право приобретает. Инспектор обстоятельно объясняет посетительнице, какие документы следует представить, и она уходит довольная, обрадованная. Люди, которые, подобно Еводкиной, теперь впервые будут получать государственные пенсии, много.

В эти дни необычно выглядят отделы социального обеспечения. Более чем вдовольно увеличилось число работников, занятых подготовкой и претворением закона в жизнь. Общественные организации, предприятия и учреждения прислали сюда лучших своих сотрудников — честных, добродетельных и чутких, способных помочь в этой большой, кропотливой работе. Люди разных профессий — юристы, бухгалтеры, эконоmisty, счетоводы, профсоюзные работники — уже много дней заняты оформлением документов и исчислением размеров новых пенсий.

По собственной инициативе приходят в отделы социального обеспечения все новые и новые добровольцы, движимые желанием в меру своих сил послужить народу. С чувством благодарности рассказывают о Ленинградском отделе социального обеспечения об одной из таких энтузиасток. Пенсионерка Ю. Колмыкова пришла в райбюро только после опубликования закона и взяла на себя заботу о престарелых и инвалидах первой группы.

Нам довелось познакомиться с другой такой же активной общественной — Л. Дзус, которой новый закон более чем вдвое увеличивает пенсию. Мы наблюдали, как Л. Дзус беседовала с двумя посетителями райбюро. Это были старуха Федора Любомирова, проработавшая в авиационной промышленности свыше 32 лет, и приобретавшая теперь право на максимальную пенсию, и инвалид войны Петр Служилов, которому предстоит с 1 октября получать ежемесячно сто процентов своего бывшего заработка. Надо было видеть, как Л. Дзус искренне радовалась вместе с ними.

Но, к сожалению, пока не все посетители получают ответы на интересующие их вопросы. Работники отделов социального обеспечения с нетерпением ждут Положения о новом законе и инструкцию министерства, которые дадут им исчерпывающие разъяснения по всем сложным вопросам.

Чем позже мы получим документы, необходимые для точного исчисления пенсий, — говорят в Советском райбюро, — тем напущеннее придется нам работать в оставшиеся до 1 октября дни. Ведь в одном нашем районе тридцать шесть тысяч пенсионеров...

В течение ближайших двух месяцев, — сказала в заключение Н. Муравьева, — нам предстоит большая и напряженная работа и мы намерены справиться с ней при помощи общественности. С первых дней октября начнется выплата пенсий по новому закону, который несет столько радости советским людям. Представляет себе семья, куда в первый раз в начале октября поступит почтальон и принесет пенсию, намного большую, чем та, что получала раньше это семья. Мы сделаем все возможное, чтобы ни на один день не задерживать прихода почтальона...

Радость будет царить в миллионах семейств, и именно это удесятерит силы тех, кто привлечен сейчас к осуществлению нового закона.

На снимке: Л. Дзус беседует с пенсионером Ф. Любомировым. Фото А. Лапина

Всёма внушительные цифры, показывающие гигантский объем работы по пере-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 86 (3587)

Суббота, 21 июля 1956 г.

Цена 40 коп.

ОТКРЫВАТЕЛИ

1. Этот запомнившийся мне разговор происходил несколько месяцев назад в одном из сел Тамбовщины.

В. ШАПОШНИКОВА

Поводом для моего послужило выступление лектора, приехавшего в село по поручению отдела пропаганды и агитации райкома. С недавних пор в области вдруг начали появляться обновленные иконы, быть «святыне» источниками. Шли слухи о приезде «гадателя» Филишки врождового, толкователя людских судеб.

— Давно не было всех этих «чудес», и вдруг всколыхнулось, — говорил мой собеседник, старый учитель, проживший в этих местах всю жизнь. — А откуда взялось? Не с пустого же места! Обновили мы работу, среди лекторов немало неуклюжей молодежи. Опыта идеологической борьбы у нее нет. Да и методы не владеет. Ей говорят: используйте местный материал. А как его использовать? Многие не знают, с какого конца взяться.

— Да что молодежи! — с горечью воскликнул он. — Слышали, сейчас выступил лектор. Былый, с опытом. Ждали его лекции, как откровения. А что он сказал? Общественные истины! Да собери их для души убедительности словами: «Есть среди нас люди, зараженные пережитками прошлого». И примеры привел. А разве дело в примерах? Мы их сами сколько угодно называем. Да вот вам пример, послушайте...

От чайной, слышавшей на площади яркое освещенными окнами, доносилось пение. Нетвердые мужские голоса басами выводили простую мелодию. Потом в их строй вошел выразительный дискант. Он подхватил мотив, понимавший все выше и выше, наконец, перешел в крик и оборвался. Спустя минуту крик повторился, разрушая спокойное очарование вечера.

— Ну, как с этим бороться? — спросил учитель. — Пока поют, а потом начнется скандал. Пробовали им читать мораль, угрожать — пить, мол, нехорошо, вредно. А они в ответ: «Дед Мирон всю жизнь пил, а протнул чуть не до ста». Тоже ведь факт! И тоже местный. Все дело в том, как им пользоваться...

— А что же думает об этом вы? — Это вопрос не простой. Сразу его не решишь, — ответил учитель, помолчав. — В нашем областном краеведческом музее есть книжка — отчет третьей губернской конференции краеведов. На этой конференции выступил историк Тамбовщины, Петр Николаевич Черемский. Так вот он еще в конце двадцатых годов говорил: «Собирайте, изучайте факты. Ведите летопись изменений природы, экономики, культурной жизни. Она нужна нам для создания новой социалистической культуры». Были бы у нас такие систематизированные материалы, лектору и не пришлось бы хвататься за случайные примеры, он взял бы самое характерное, важное и показал явление во всех его противоречиях, интересно, осмысленно. И те, кто сидят в зале, увидели бы эту непрерывную жизненную борьбу. И от лекции был бы иной толк...

Впоследствии, встречая лекторов-догматиков, — а их у нас, к сожалению, немало, — я всегда думала о словах старого учителя. И, конечно, разискала доклад Черемского, в котором он очень убедительно доказывал необходимость объективной летописи нашей жизни. Факты местные, свои, близкие для восприятия, осмысленные, привнесенные в систему, нужные. С этим трудно не согласиться.

В каждой области, в каждом районном центре работают неутомимые труженики-краеведы. Почти всегда окруженные детворой, с бескорыстной преданностью делу они ведут кропотливую, нужную работу по изучению родного края. Но как использовать их материалы, на которые может опереться в своих выводах теоретик или лектор — тот, кто пропагандирует основы нашей жизни среди населения? Я хочу привести один из примеров.

В каждой области, в каждом районном центре работают неутомимые труженики-краеведы. Почти всегда окруженные детворой, с бескорыстной преданностью делу они ведут кропотливую, нужную работу по изучению родного края. Но как использовать их материалы, на которые может опереться в своих выводах теоретик или лектор — тот, кто пропагандирует основы нашей жизни среди населения? Я хочу привести один из примеров.

2. Серда — районный центр Ярославской области. Добротные, оплетенные тонким кружевом резьбы дома с высокими расписными светелками, просторная пла-

Нашел бы живые, яркие, конкретные примеры, которые захватили бы, увлекли и убедили слушателей...

Конечно, все, что собрано Веселовым, это еще не научный труд. Но даже в таком виде он может оказать неоценимую помощь пропагандистам, людям, занимающимся культурно-просветительной работой.

Используется все это? Нет. Эти материалы никому не интересуют. В отделе культуры посмотрели и в растерянности отвернулись.

— А кто его знает, чего он там набрал? Все это не проверено, не утверждено.

— У нас предпочитают лекции читать по бюллетню агитатора. Подчеркнут место, где нужно сказать погромче, и ни тебе трудов, ни ответственности, — с горечью сказал учитель. — Да и кто знает, может быть, у меня и впрямь не то, что нужно...

И не только один Веселов. В Лынах так же неутомимо трудится Сергей Петрович Волков, в маленьком городке Горьковской области — Семенове известны имена краеведов Хулякова, Рыбина, Фудова. Сколько их по всей стране, этих пытливых, бескорыстных тружеников! Сколько собрано ими богатств, которые могут послужить фундаментом в разработке многих научных вопросов.

Но сейчас большинство краеведов работает разрозненно, кустарно. Собранные многолетним трудом материалы нередко гибнут в шкафах, сундуках, сараях.

Нет, с ребятами. Но ведь им нужно руководить, а здесь иногда и сам не знаешь, в каком направлении вести поиски. Да, по правде, и трудно. Вот привлечь бы актив райкома... Ученых людей там много, во всех деревнях бывают...

Описать историю Серды Федор Николаевич задумал шесть лет назад. Увидел на уроках, как трудно воспринимают дети сухой, лишней осязаемых черт материал учебных историй, он стал собирать факты о жизни предков. Он, конечно, не мог не сравнивать, не сопоставлять.

Веселов группировал материалы по темам, все, что относилось к возникновению села, в старым или новым яврам, обычаям, экономике прошлого и настоящего. Школьники старательно переписывали альбомы. Учитель видел, как оживал интерес к родному краю, как наполнялись пытливым взглядом, пробуждалась активность.

Отыскал Веселов сведения и о пожарах, уничтоживших это богатое село, о меленном проникшей сюда культуре.

В 1882 году открыта почта в доме Устины Родионовны, «16 мая 1900 года на сельском сходе дано место для школы». А патл лет спустя открыта первая библиотека. Но до самой революции в селе не было ни одного человека с высшим образованием. Теперь их более ста — врачей, учителей, агрономов.

Работу простых людских орудий труда соседствует с фотографиями могучей техники, пришедшей на колхозные поля. Малка, тербелка, прялка совсем недавно еще были единственными орудиями обработки льна. Теперь они вытеснены сложными машинами недавно построенного льнозавода.

Все эти изменения — результат классовой борьбы. Поэтому закономерно, что Веселов создал специальный раздел, который назвал «Борцы за свободу». У Серды оказалось большое волнующее революционное прошлое. Показал он и участником Отечественной войны — явловых и Героев Советского Союза, лучших тружеников.

Вот те материалы, о которых говорил мой тамбовский знакомый, думала я. Наверное, лектор-атеист, пусть даже молодой, неуклюжий, порывшись в них, увидя все, как зарождался, складывался поворот, против которых он ведет борьбу.

И не только один Веселов. В Лынах так же неутомимо трудится Сергей Петрович Волков, в маленьком городке Горьковской области — Семенове известны имена краеведов Хулякова, Рыбина, Фудова. Сколько их по всей стране, этих пытливых, бескорыстных тружеников! Сколько собрано ими богатств, которые могут послужить фундаментом в разработке многих научных вопросов.

Но сейчас большинство краеведов работает разрозненно, кустарно. Собранные многолетним трудом материалы нередко гибнут в шкафах, сундуках, сараях.

Нет, с ребятами. Но ведь им нужно руководить, а здесь иногда и сам не знаешь, в каком направлении вести поиски. Да, по правде, и трудно. Вот привлечь бы актив райкома... Ученых людей там много, во всех деревнях бывают...

Описать историю Серды Федор Николаевич задумал шесть лет назад. Увидел на уроках, как трудно воспринимают дети сухой, лишней осязаемых черт материал учебных историй, он стал собирать факты о жизни предков. Он, конечно, не мог не сравнивать, не сопоставлять.

Веселов группировал материалы по темам, все, что относилось к возникновению села, в старым или новым яврам, обычаям, экономике прошлого и настоящего. Школьники старательно переписывали альбомы. Учитель видел, как оживал интерес к родному краю, как наполнялись пытливым взглядом, пробуждалась активность.

Отыскал Веселов сведения и о пожарах, уничтоживших это богатое село, о меленном проникшей сюда культуре.

В 1882 году открыта почта в доме Устины Родионовны, «16 мая 1900 года на сельском сходе дано место для школы». А патл лет спустя открыта первая библиотека. Но до самой революции в селе не было ни одного человека с высшим образованием. Теперь их более ста — врачей, учителей, агрономов.

Работу простых людских орудий труда соседствует с фотографиями могучей техники, пришедшей на колхозные поля. Малка, тербелка, прялка совсем недавно еще были единственными орудиями обработки льна. Теперь они вытеснены сложными машинами недавно построенного льнозавода.

Все эти изменения — результат классовой борьбы. Поэтому закономерно, что Веселов создал специальный раздел, который назвал «Борцы за свободу». У Серды оказалось большое волнующее революционное прошлое. Показал он и участником Отечественной войны — явловых и Героев Советского Союза, лучших тружеников.

Вот те материалы, о которых говорил мой тамбовский знакомый, думала я. Наверное, лектор-атеист, пусть даже молодой, неуклюжий, порывшись в них, увидя все, как зарождался, складывался поворот, против которых он ведет борьбу.

НА ЭКРАНЕ — БЕЛЬГИЙСКИЕ ФИЛЬМЫ

Бельгийские государственные флаги празднично развеваются на улице Ворского перед входом в Театр-оперный киноклуба. И, входя в кинозал, с особой остротой вспомнишь недавнее путешествие по Бельгии, наш кратковременный туристский «пробег» по этой красочной, живописной, замечательной маленькой стране.

Погас в зале свет, возникли кадры фильма «Чайки умирают в гавани». И первые же кадры антерпенского порта, превосходно снятые оператором Иоганном Блансааром, вызвали в памяти многолетний город на Шельде, его своеобразные улицы — смешение средневековых и ультрасовременных построек, лица наших антверпенских друзей, так радушно приветствовавших советских туристов.

Фильм «Чайки умирают в гавани» воспринимается поначалу лишь с точки зрения его изобразительных достоинств. Нельзя не запомнить живописные виды ночного порта, брусчатку мостовой, лоснящуюся под фанарным светом, громады океанских кораблей, жемчужные руны решетчатых красных, круглые нефтяные цистерны... И как самостоятельные живописные кадры проходят перед нами отдельные выразительные детали: чьи-то усталые шагающие ноги, огромный, ярко блестящий глаз проснувшегося человека...

Но постепенно проследив сюжет. Сквозь нарочито усложненный монтаж, сквозящее подернутое обгрызание крупных планов проступают образы героев картины. Талантливая работа Рик Кайперса, Иво Михельса, Ролана Фекхавера — трех сценаристов-постановщиков фильма — заставляет все глубже вдумываться в его содержание.

Это содержание трагически просто, хотя и осложнено импрессионистической манерой кинополюшения. Невинный молодой бельгиец — автор фильма дал ему грустно-ироническое сказочное имя Принц — оказался с гитлеровцами, был заключен в концлагерь, много лет скитался за рубежом. И вот он вернулся в родной Антверпен. Война окончилась давно, но чужеземная воишня чувствует себя в городе, как дома. Как в бредовой оне большого человека, проносится в фильме картины солдатского разгута в мирные дни. Жена Принца соблазнена иностранным офицером.

В порыве отчаяния Принц — эту роль скупно и выразительно играет молодой артист Ж. Скунартс — убивает жену. Он должен бежать из города, но у него нет денег. Он скитается в гавани, почти умирает от голода, его приютила портовая проститутка. Содержатель притона предлагает Принцу «бизнес»: нужно украсть девочку, дочь богатых родителей, чтобы получить за нее выкуп. Но Принц полюбил девочку. Он играет с ней в игры, пытается, неуверенными движениями доброго, растроганного человека. Он колеблется между чувством к ребенку и возможностью получить деньги для покаяния. Он не решается на новое преступление.

Принц совершенно одинок, его преследует полиция: мотоциклисты похожи на роботов, с белыми шлемами вместо лиц. Затравленный Принц мечтает с собой среди титанических портовых построек.

В сюжете этой картины своеобразно преломляются события, происходившие в Бельгии за последние десятилетия. Бельгийские пейзажи полны горькой памятью о двух разорительных войнах, во время которых народ этой многогранной страны оказывал героическое сопротивление оккупантам. Стресс уже не видно разрушений войны, но повсюду встречается бережно хранимые памятники ее потерь. Неугасимое голубое пламя пылает перед двумя надгробиями Неизвестных солдат в Брюсселе, но десятки и сотни тысяч могил других неизвестных солдат разбросаны по всей стране: в равнинной Фландрии и в лесистых Арденнах.

Возле городка Ипр, прославившегося тем, что его имя присвоено удручившему газу, впервые применено у его развалин, мы видели старые городские ворота, стены и своды которых сплошь исписаны именами павших здесь солдат. Во Фландрии мы посетили знаменитые «траншеи смерти», где вокруг заброшенных, поросших красными маками окопов покоятся в земле перемолотые дивизии бельгийцев и англичан, немцев, французов, канадцев.

И картина «Чайки умирают в гавани» прежде всего волнует нас своим настоящим социальным подтекстом — обличением последствий войны.

Нельзя не отметить, что художественное воздействие фильма сильно ослабляется абстрактной символической некоторыми его персонажами.

И тем не менее с большим сочувствием и интересом мы наблюдаем творческие искания коллектива, создавшего этот фильм. Честно и взволнованно откликаются бельгийские кинематографисты на противоречия окружающей их жизни. Нужно лишь пожелать, что, с предельной выразительностью показав мир индустриального антверпенского порта, они не смогли так же впечатляюще показать тех, кто оживляет эту индустрию — рабочих людей.

Дни недели бельгийского фильма показали советскому зрителю, что кинорепортажи Бельгии уже успели создать ряд превосходных картин документального и научно-популярного жанра: «Золотой век», «Рубенс», «Благородство дерева», «Карнавал» и другие. Но большинство этих фильмов смотрит в прошлое, в них почти не отражается сегодняшний день страны.

И тем не менее очень обидно и горько, что эти мастерски снятые фильмы составляют ничтожный процент кинопродукции, демонстрируемой на бельгийских экранах. Характерно, что мы, советские туристы, смогли посмотреть эти фильмы не в самой Бельгии, а в Москве! Бельгийские кинотеатры пестрят рекламами зарубежных картин, экраны в основном заполнены стандартной продукцией Голливуда. И в этом потоке импортной макулатуры теряются, как цветы среди сорняков, немногочисленные произведения молодой бельгийской кинематографии.

Мы надеемся, что кинематографисты Бельгии выйдут на экраны с большим количеством художественных и документальных фильмов, полнее покажут многообразие современной жизни своей страны. С интересом, с творческим сочувствием ждем мы их новых фильмов.

Николай ПАНОВ

В президиуме правления Союза писателей СССР

19 июля в Центральном доме литераторов начал работу расширенный президиум правления Союза писателей СССР. Собрание высказало доклад главного редактора издательства «Советский писатель» Н. Лесюковского «О работе издательства над писательской рукописью» и одобрил О. Черного, сообщившего о результатах проверки деятельности «Советского писателя» общественной комиссией писателей. В разрывившихся прениях выступили П. Кинский, Л. Славина, М. Максимов, А. Бек, К. Федин и К. Симонов.

20 июля на утреннем заседании закончилось обсуждение этого вопроса повестки дня. В продолжавшихся прениях приняли участие Ю. Корольков, Б. Галин, А. Казанцев, Н. Чуковский, М. Бажан, С. Кириков, П. Скокряев, В. Жегин, Б. Евгеньев, М. Корнев, М. Юрвич, А. Таллин и А. Яшин.

Президиум продолжает работу. Подробный отчет о его работе будет напечатан в ближайших номерах «Литературной газеты».

ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРЕРЫВА

Три сиреневых томина, еще пахнущие типографской краской, лежат на столе редактора Гослитиздата. Это сигнальный экзemplар издания избранных сочинений советского писателя И. Талашова. Повести, рассказы, легенды и сказания, вошедшие в первые два тома, не издавались десятилетиями, если не считать двух-трех сборников. Более известны его «Зачины писателя», которые включены в третий том.

В июле выйдет еще одна книга, несомненно занятая нашими издательствами, — роман А. Виноградова о Стендале «Три цвета времени». Он не издавался сорок лет. М. Горький в своем предисловии к первому изданию этой книги писал, что А. Виноградов «показывает Стендала таким, каков он был и каким его не видели до сей поры». Предисловием и послесловием к роману М. Горький в своем предисловии к первому изданию этой книги писал, что А. Виноградов «показывает Стендала таким, каков он был и каким его не видели до сей поры». Предисловием и послесловием к роману М. Горький в своем предисловии к первому изданию этой книги писал, что А. Виноградов «показывает Стендала таким, каков он был и каким его не видели до сей поры».

Издательство «Московский рабочий» вскоре выпустит сборник произведений пяти поэтов доктябрьской «Правды». В книгу вошли стихи П. Арского, М. Артамонова, И. Броуина, Л. Котомин и А. Помазанова. Читатель получит представление о их творчестве не только по стихам, но и кратким характеристикам, которые дает им автор вступительной статьи — А. Примова.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ЗАКОНЧЕНО ИЗДАНИЕ НА ПОТОЧНЫХ ЛИНИЯХ ТИПОГРАФИЙ

ТАЙНЫ ПОДВОДНОГО МИРА

«ИЗБРАННИК СУДЬБЫ», «ПОНИЖАЕМ — УВЫЧИЛИ», «ЧЕЛОВЕК И СВЕРСКОЕ» и «НАК ОМ ЛГАЛ Е МУЖУ» издаются в советское время впервые. Среди пьес, публикуемых в этом томе, — «Дом вавилона» (известная советским зрителем под названием «Лондонские трущобы»), «Профессия миссис Уоррен» (ставившаяся у нас под названием «Профессия этой женщины») и «Кученки Дьявола».

Много очень интересных сведений узнает читатель из хорошо изданной и богато иллюстрированной книги Д. Зеневича «Морь СССР, ее фауна и флора», выпущенной в днях Уддегизом.

Морь СССР

Сдан в производство и второй том. Он знакомит советских читателей еще с двумя неизвестными у нас произведениями Ф. Шеллера: «Морская Воля» и «Стрельба, оканчивающаяся или Роковой Газою», предназначенная автором для «арматорских театров и балаганов». Во второй том вошли двадцать драматических произведений Б. Шоу и в их числе популярная у нас пьеса «Пингвин».

НОВЫЙ ТОМ СОЧИНЕНИЙ Ф. ШЕЛЛЕРА. В этой же типографии заканчивается печатание третьего тома собрания сочинений Ф. Шеллера. В нем: трагедия «Орлеанская дева», «Мессинская невеста», драма «Вильгельм Телль» и неоконченная трагедия «Дмитрий Самозванец».

В разделе прозы — новелла «Преступление» и повесть «Война», отрывок из хроники «Игра судьбы» и роман «Духовидец».

В произведение находится и все остальные четыре тома. Содержание второй и третьей книг составляют повести и романы; тут вошли рассказы и очерки, в пятую — драматургические произведения и роман «Хуторок в степи».

Подписка на собрание сочинений Б. Катаева началась. В ИЗБРАННОЕ ВЕРНАДА ШОУ и Стелетин со дня рождения Бернарда Шоу (26 июля) читатели получат двухтомный его избранный произведений, выпускаемый Гослитиздатом. Типография «Красный пролетарий» заканчивает выпуск тиража первого тома, в котором напечатаны: вступительная статья П. Балашова, «Предисловие в лавном образе», «Самое себя», написанное автором в 1898 году для одного из своих сборников, и десять пьес, из которых

Ленинда выпускает к столетию со дня рождения Ивана Франко книгу его сказок «Каждый звери еще говорил!» (в переводе Ленинградского писателя). Книга будет иллюстрирована рисунками Анны Костровой, два из которых воспроизводятся здесь.

НЕДОСТУПНЫЕ КНИГИ

Не так давно в Москве появились в продаже несколько книг, выпущенных республиканскими и областными издательствами. Это были, главным образом, переводная литература, Вильнюсское издательство прислало около трех тысяч экземпляров двухтомника Голсуорси «Сага о Форсайтах», из Таллина в таком же количестве был получен роман Драйзера «Титаник», Калуга доставила «Мисс Мопсан», Киевское издательство — «Старик и море» Хемингуэя, Смоленское — «Нрав и песня» Ибсена.

Но вот приобрести в Москве новое художественное произведение местного писателя, вышедшее в каком-нибудь областном издательстве, почти невозможно. Эти новые книги читателям Москвы, Ленинграда и других городов получают только после их переиздания в одном из центральных издательств.

Почему? По тому ли, что Главинтерком РСФСР передал это дело на решение товарищам книжникам Баз, людей, которые зачастую не осведомлены о новинках, выходящих в областях? В Главинтерком РСФСР нашему корреспонденту заявили, что этот вопрос можно было бы решить, если будут открыты пункты в крупных городах хотя бы по одному специализированному магазину или отделу при существующих магазинах; по примеру того, как организована в Москве продажа книг, выходящих в республиках на языках народов СССР. Хорошее предложение! Не пора ли его осуществить?

ЧЕЛОВЕК УШЕЛ В ОТСТАВКУ

В. МОНАСТЫРЕВ

Отрыжка керосином

Это своеобразное заседание-трапеза происходило за длинным столом, покрытым белой скатертью. Официанты в шелковых блузках и накрахмаленных накрахмаленных белых манишках были отменно вежливы: едва лишь кому-нибудь из участников становилось не по себе, они тотчас же предлагали минеральную воду...

Так протекала организованная Главным управлением государственной инспекции по качеству продовольственных товаров Министерства торговли СССР дегустация рыбных консервов, изготовленных на некоторых волжских заводах. В корреспонденции «Снасти волжскую рыбу!» («Литературная газета» № 77) сообщалось о том, что рыба гибнет в результате загрязнения волжских вод отходами нефтяной промышленности. Однако и та рыба, которую вылавливают живой, не всегда годится в пищу. В таких городах, как Саратов или Сталинград, домашние хозяйки давно уже отказались от покупки на базаре свежей рыбы.

Может быть, можно приготовить консервы из этой рыбы? Увы, в последнее время многие покупатели стали попросту возвращать их в магазины, на торговые базы и даже присылать в Министерство торговли СССР.

«...Одна за другой вскрываются банки. Сазан, лещ, судак, заливные томатным соусом, красуются на тарелочках и выглядят очень привлекательно. Но, странное дело, инспектора по качеству дегустаторы, товароведы, санитарные врачи, торговые работники едят эти консервы как-то нехотя, тяжело вздыхают. Заметив в своей среде корреспондента, тотчас же усаживают и его за стол, подвигают прибор, настаивают, что и литератор обязан испытать ощущения, которые собираются описывать.

Сначала едят молча. Первая банка «продухот» благополучно. После второй начинаются реплики: — Запах нефти! — Привкус керосина!

Официанты быстро сменяют тарелочки. Тарелочек много — каждая банка консервов отобрана из партии, выработанной в мае нынешнего года. Съедаешь кусочек из одной «керосиновой» банки, из другой, третьей — и становится нехорошо.

На несколько миллионов рублей продукции за один квартал испортили... жалуются старший инженер производственного отдела Ростлагконсерва И. Цепелинчик.

Я старый кулинар и я очень люблю свое дело... замечает другой сосед по столу. — Такого у нас никогда не было. Сидите за столом — вроде, ничего, а потом — отрыжка керосином. Я уже сотню опытов проделал! Сегодня будем демонстративно укусить «керосиновой» рыбы — ну, ничего не почувствует!

А я бы эти консервы принудительно кормил директоров нефтеперерабатывающих заводов. И, в первую очередь, в Чебоксарском директоре Саратовского нефтеперерабатывающего завода — это он нам сорвал план... жалуются работнички консервного завода В. Зеленый. — Подумать только, от Саратова до Камышина рыбу едят нельзя. — Токсического в этих консервах нет ничего: не умиреть, не отравиться. Вот только запах и вкус... «чутьекает» присутствующих санитарный врач.

Слушаешь собравшихся здесь работников торговли, пищевой промышленности, санитарного надзора и видишь за ними тысячи и тысячи советских людей, которые, открыв дома купленную в магазине банку рыбных консервов, вот так же отворачивают от нее нос.

Это совещание не ставило перед собой больших задач — изучить положение на реках страны, проконтролировать работу очистных сооружений нефтеперерабатывающих заводов и т. д. и т. п. Разговор, состоявшийся в Министерстве торговли СССР, заставляет сделать самые серьезные выводы.

Уже сейчас на некоторых волжских консервных заводах придется отказаться от переработки рыбы — таков результат этой дегустации, в практике подобных совещаний небывалый.

И. АРАЛИЧЕВ

Ранней весной в одном из краснодарских скверов я встретил знакомого. Он был в штатском, а я привык видеть его в мундире и поэтому узнал не сразу. Он подыкая мне навстречу с лавочки, приложив руку к шлупе: — Не узнаете? — Теперь узнаю.

Он был и тот и не тот, каким я его знал раньше: не было во всем его облике прежней подтянутости, опустившись плечи, весь он как-то потускнел.

— Уже не служите? — Уже не служу, — ответил он, — скоро два года, как ушел в отставку. Мы познакомились несколько лет назад в окружной газете: он писал очерки о солдатах и маленькие рассказы из фронтовой жизни.

— Чем сейчас занимаетесь? — спрашиваю. — Заболом. — Каким заболом? — Вокруг дома, — ответил он. — Я живу в Приморско-Ахтарске, лес там достать нелегко, а забол нужен. Забол это, знаете ли, что-то вроде вывески. Есть забол, — значит хороший хозяин, нет, — плохой, — он горько улыбнулся. — А я хочу быть хорошим.

Мы сели на лавочку. Собеседник мой снял шляпу, повертел ее в руках. — Так вот и живем, — продолжал он, — толчемся, как мошкара в летний вечер, на одном месте... Трудное это дело — уходить в отставку. В мелочах путаешься, быт наваливается, как перина. Иногда тыешься. Как-то захожу к соседу: тоже отставник, вроде меня, вижу, — сидит у окна и неотрывно на улицу смотрит. «Что там интересного?», — спрашиваю. «А ничего», — говорит, — время прожужу, все-таки дело». Что, не верите? Напрасно. Есть и такие, что увлекаться коммерцией. Эти не скажут, некогда...

После того разговора мне случилось побывать в Приморско-Ахтарске, в поселке Лазаревском, в Майкопе и Сочи, и я убедился, что мой знакомый если и преувеличивал, то не так уж сильно.

Офицер в отставке Николай Александрович Калинин продал на базаре вино в розлив. Пользывшиеся базарные завсегдатаи кружились: — Эй, хозяин, стакан чаю мой, сообрази ты гинену!

Калинин послушно мыл стаканы. Приморско-Ахтарск — город маленький, там люди живут друг у друга на виду. И Николая Калинин все знают. Один из таких же, как он, офицеров в отставке подошел к Калинин и сказал: — Как не стыдно тебе, всех нас, отставников, срамить.

Калинин хорошо усмехнулся, выругался и ответил, что ему никак не нужно и что продает он свое, не краденое.

Продавал он, действительно, свое: у Калинин в Приморско-Ахтарске дом и земельный надел, на котором разведен большой виноградник.

Неладное от Калинин живет бывший работник милиции Рутковский. Он вывозит свое вино не только на базар, но и на кладбище: в дни религиозных праздников торговля там идет бойко.

Оба — Калинин и Рутковский — члены КПСС. Нельзя сказать, что партийная организация, где они состоят, на учете, никак не реагировала на превращение отставных офицеров в мелких торговцев. На партийном собрании их пожурили. Калинин и Рутковский обещали не выезжать со своим вином на базар и кладбище.

А вот более «тяжелый» случай. Тоже «отставник» Алексей Никитич Шацкий построил себе в городе Сочи двухэтажный дом и превратил его в частный пансионат для курортников. У него было и в апартаментах, в том числе военные, е которых он, сам вчерашний офицер, брал, а вернее, драл по 500—600 рублей в месяц за комнату. О пансионате Шацкого

писали в местной газете. Шацкий объявил газете войну и, сплотив комиссию, проверившую изложенные в фельетоне факты, добился того, что было опубликовано опровержение. Потом была еще одна комиссия, по-настоящему партийная, и воинствующего стажиста Шацкого разоблачили и выгнали из партии.

Как же Шацкий дошел до жизни такой? Почему санаялся виной торговлей Калинин и Рутковский? — Может быть, им жить не на что? Нужна заставка?

Ничего подобного. Как и все офицеры Советской Армии в отставке, они получают пенсии. На строительство домов им давали государством субсидии, они имели возможность по государственной цене купить строительные материалы.

Прослужить 25—30 лет в армии не просто и не легко. Советский человек, отслуживший этой суровой и важной государственной службе почти всю жизнь, имеет право на спокойную, обеспеченную старость. Но, уходя в отставку со службы, он не имеет права уходить в отставку от жизни. От той большой жизни, которой живут народ, страна.

Не для того, чтобы уравновесить «отрицательное» и «положительное», а истинно ради следует сказать, что подавляющее большинство вчерашних офицеров умеют быть полезными обществу, находят свое место в гражданском строе, активно участвуют в строительстве коммунизма.

Всей стране известен Герой Советского Союза председатель белорусского колхоза «Рассвет» К. Орловский. О нем говорил в отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии Никита Сергеевич Хрущев, говоря, как о человеке с большой буквы, настоящем патриоте-коммунисте. Напомню, что Кирилл Прокофьевич Орловский — подполковник в отставке, потерявший на фронте руку, но не пожелавший уйти в отставку от жизни.

Можно и не «ходить» за примерами в Белорусию.

В том же Приморско-Ахтарске живет покойник в отставке Петр Демидович Гайдуков. Здоровьем и молодостью он похвастаться не может, однако находит время и силы и для того, чтобы покататься на своем огороде, и для того, чтобы вести работу в двух самых крупных в районе организациях ДОСААФ.

В поселке Лазаревском Краснодарского края живет полковник в отставке Никита Алексеевич Шербак. Врачи рекомендовали ему жить у моря, военкомат выхлопотил небольшую квартиру, и Никита Алексеевич поселился на побережье. У него уже взрослые сыновья, имеющие свои семьи, вместе с Никитой Алексеевичем живут только жена и дочь. Забот у него немного, времени свободного хоть отбавляй. Шербак пришел в райком и попросил — давайте работу. Старый коммунист, бывший политработник стал высланным пропагандистом райкома. Сейчас

видим, так же думают и те офицеры в отставке, что бросаются в спекуляцию. Начальства над ними уже нет, а от гласности их хранит высокое звание.

Разумеется, это заблуждение, и чем скорее оно будет рассеяно, тем лучше. Именно гласность — оружие, которым мы можем сражаться со всеми тунеядцами, независимо от их чинов и званий.

Мы утверждаем, что величайшей ценностью у нас являются люди, но относимся к этой великой ценности не всегда внимательно. Офицеры, уходящие на пенсию, оказываются вне поля зрения местных организаций. Если такой «отставник» не просит ордера на квартиру и если не надо заботиться о его трудоустройстве, о нем и не вспоминают. Офицеры в отставке даже военкоматы особенно не интересуются. Паредка, для порядка, разведут им приглашающие билеты в Дом офицера, если он есть в городе.

Расставшись с привычным армейским укладом, вчерашние офицеры обычно долго не могут освоиться в новой обстановке. Иные «садятся» на землю — ставят дома, обрабатывают свои участки и теряют почти всякую связь с остальным миром, с жизнью, идущей вне их оград.

А ведь офицеры в отставке имеют огромный жизненный опыт, великолепные организаторские навыки, они могли бы принести на свои места часть пропагандистской и организаторской работы в районе. Конечно, люди это все немолодые, но каждый из них в меру своих сил, безусловно, может оказаться полезным.

За человека надо бороться. Бороться за то, чтобы люди не уходили в отставку от жизни.

КРАСНОДАР

НОВЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

В этом году произведена запись 150 долгоиграющих и более 250 обычных граммпластинок. Основное внимание уделяется популяризации советской музыки. Впервые записаны Первый концерт для скрипки с оркестром С. Прокофьева, Девятая симфония Д. Шостаковича, сюита Д. Кабелевского «Комедианты», фрагменты из оперы Г. Свиридова «Сорочинское побоище». Серия долгоиграющих пластинок посвящена национальному искусству народов СССР. Значительно пополнилась коллекция пластинок для любителей классической музыки. Сейчас записывается Девятая симфония Бетховена.

его хорошо знают и в районном центре и в отдаленных колхозах. Он ездит с лекциями и докладами, проводит семинары агитаторов, люди идут к нему посоветоваться в личных делах и поговорить о международном положении. В райком партии приходят письма с просьбами прислать лектора Никиту Алексеевича Шербака.

Когда мы разговаривали со Шербаком об «отставниках», имеющих земельные наделы, он между прочим сказал: — Неправильно оно садится на землю — по-кулацки: больше всего о барышах думают.

К сожалению, это верно: некоторые офицеры в отставке, имеющие все необходимое для жизни, бросаются в спекуляцию, и знаменем их бытия становится сберегательная книжка.

И Шацкий и Шербак молодыми людьми вступили в партию, оба долго служили в рядах Советской Армии. Критик, повторивший на безапелляционных приговорах, сказал бы, что не может быть различия в идейной сущности данных индивидуумов. А оказывается, может. Иной (пусть немного таких) прикрывает почетной в нашей стране офицерской формой мелкую душещипку собственника, а уйдя в отставку, превращается в откровенного стажиста и хапугу.

Надо не удивляться, а негодовать. К сожалению, даже тогда, когда общественные организации вмешиваются в жизнь «отставников», — а это бывает очень редко, — они делают это слишком робко, боязливо и, главное, келейно. А ведь пролаживая на базаре офицером в отставке — это, говоря военным языком, чрезвычайное прощительство. Тут надо не журить, не упреждать, а начать принципиальный суровый партийный разговор — на собраниях, в местной газете.

Да, армию у нас горячо любят. Но злоупотреблять этой любовью и уважением не должно быть позволено никому. А некоторые «отставники» решили, что прошлые заслуги освобождают их от критики. В какой-то мере характерно мнение одного полковника в отставке, который в беседе со мной сказал:

— Вот вы хотите написать о том, как отставники живут. Зря это: в газете все равно не напечатают. О нас нельзя писать...

Видно, так же думают и те офицеры в отставке, что бросаются в спекуляцию. Начальства над ними уже нет, а от гласности их хранит высокое звание.

Разумеется, это заблуждение, и чем скорее оно будет рассеяно, тем лучше. Именно гласность — оружие, которым мы можем сражаться со всеми тунеядцами, независимо от их чинов и званий.

Мы утверждаем, что величайшей ценностью у нас являются люди, но относимся к этой великой ценности не всегда внимательно. Офицеры, уходящие на пенсию, оказываются вне поля зрения местных организаций. Если такой «отставник» не просит ордера на квартиру и если не надо заботиться о его трудоустройстве, о нем и не вспоминают. Офицеры в отставке даже военкоматы особенно не интересуются. Паредка, для порядка, разведут им приглашающие билеты в Дом офицера, если он есть в городе.

Расставшись с привычным армейским укладом, вчерашние офицеры обычно долго не могут освоиться в новой обстановке. Иные «садятся» на землю — ставят дома, обрабатывают свои участки и теряют почти всякую связь с остальным миром, с жизнью, идущей вне их оград.

А ведь офицеры в отставке имеют огромный жизненный опыт, великолепные организаторские навыки, они могли бы принести на свои места часть пропагандистской и организаторской работы в районе. Конечно, люди это все немолодые, но каждый из них в меру своих сил, безусловно, может оказаться полезным.

За человека надо бороться. Бороться за то, чтобы люди не уходили в отставку от жизни.

КРАСНОДАР

Более 32 лет бескомпромиссно руководит Новоземельским островным Советом депутатов трудящихся Илья Константинович Вилко. Он известен не только как видный общественный деятель, но и как способный художник, сказитель, географ, переводчик немецкого фольклора. Недавно И. Вилко был вручен орденом Трудовой Красной Звезды в связи с семидесятилетием со дня рождения и за заслуги в освоении Крайнего Севера.

На снимке: И. Вилко с женой Марией Саватеньевой и дочерью Маргаритой. Фото В. Трелетова

ФЕЛЬЕТОН Море смеялось...

Сейчас для меня уже совершенно ясно, что, говоря о знатоках и ценителях литературы двадцатого века, нельзя упомянуть о такой колоритной фигуре, как Пуговкин.

Он — редактор. Не литератор. Слава богу, не критик. И не принадлежит к той категории писателей, чья подпись появляется лишь под некрологами.

Но, тем не менее, он по самым уши погряз в литературных делах.

Познакомился я с ним на берегу Черного моря при следующих обстоятельствах. В одно прекрасное июньское утро тихо плескались волны, а я тут же поблизости лежал на галстек. Солнце, незаметно для меня, безжалостно припекало меня.

Я вынул ласковому шуму волн, и в памяти моей все время возникала горьковская фраза — «Море — смеялось...»

И вдруг рядом прокатился другой смех. Я повернулся и увидел трех человек, в потел лица своего режущихся в «солзла».

Как будто бы на пляже и в бане — все равные дядьки. Но настоящий начальник, даже если он в одних синеватых трусах, все же выглядит начальником: лицом и голосом — герой!

Нетрудно было отличить, что самый маленький из трех игроков есть самый большой. Ясно: он — начальник, а те двое — его подчиненные. Будь они из другого главка и министерства, они бы так охотно и так быльно не смеялись его плоским остроумом.

Я узнал, что начальники величают Юрьем Семеновичем Пуговкиным. Дальше мне стало известно, что он руководит плановым отделом в одном солидном главке, чье вытянувшееся в длину название оканчивается на «строй».

Отсюда я сделал заключение, что сей Пуговкин имеет какое-то отношение к строительству. Но в его разговоре не слышно ничего крупноблочного, железобетонного, ни звука о котлованах, фундаментах.

Он говорил о литературе. Только о литературе.

Мне запомнились, например, такая его авторитетная фраза: — Что там Вальза! Когда Эмиль Золя был в балзаковском возрасте, он сочинил больше, чем Дюма-отец, Дюма-мать и Дюма-сын, вместе взятые.

— А разве была Дюма-мать? — усомнился один из его собеседников.

— Вы знающий человек, Сазонов! — ответил знаток литературы. — Как же мог быть Дюма-сын без Дюма-матери?

Затем Пуговкин начал рассказывать анекдоты: — Однажды Пушкин встречает своего приятеля, и тот ему говорит... — Как-то в Турневе в Париже пришла русская дама и говорит...

Дальше следовал приглушенный шепот и смех.

Такой любитель литературы — довольно распространённый тип. Вы не встретите эталога, скажем, знатока геологии, хирургии, географии, семеноведства. Но сколько пошляков вертится в окрестностях литературы и возле литераторов!

Это не те люди, которых на самом деле интересуют книги, писательский труд, критические статьи. Их занимают больше всего всякого рода сплетни, кривотолки, слухи, забавные истории.

Я успел убедиться, что Пуговкин — один из тех, у кого к литературе интерес ося-

зывает, специфический, интерес тех ценителей, которых, говоря фигурально, привлекает не сама картина, а рама, и перелетит: — Что там Илья Репин! Вот у Александра Герасимовича багет, так это багет!

Или же: — Куда Лермонтов! Ему и не снится такой перелет, как у Кирсанова! — И вот тут, на пляже, я услышал несколько рассуждений Пуговкина, из которых легко составил его портрет:

— Я так полагаю, что Лев Николаевич Толстой крупнейший русский писатель. Скажите, пожалуйста, разве можно сравнить толстовскую Ясеню Палину в Тульской губернии с тургеневской усадьбой в этом самом, в Спасском-Лутовинове, Орловской губернии? А кроме того, Лев Николаевич еще владел большим домом в Москве, в Хамовниках... Что и говорить, крупный писатель, классик!

А вот его же, не понимаю, — продолжал Пуговкин, — так это Лермонтов, — Вы имеете в виду «Цыры» или «Героя нашего времени»? — спросил тот же Сазонов.

— Это все пустяки. Я имею в виду музей в Пятигорске. Боже, какая бедность! Какая простая мебель! Спать нечего. А тоже классиком считается!

После краткой паузы: — Должен вам сказать, что Олег Солнцев, к примеру, живет прилично... Но все же, друзья, пойдём далеко до драматургов. Вот возьмем Курлова... — Да, на «Побед» катается. — Отсталый, мой дорогой. Он уже «Победу» продал и купил «ЗИМ». — А как вам, Юрий Семенович, нравится Изюмов?

— Ничего плохого о нем не скажу. Видел его недавно в модном костюме, хорошо сшитом. — А как его роман «Алешкин путь»? Помоему, неплохое построение сюжета. А? — Не тем построением интересуетесь, Солнцев. А надо бы полюбостроить, как строится дачка, а не сюжет. Изюмов себе такую дачку отстроил в Воробьевке...

— Я живу в Воробьевке. Никакой там дачи Изюмова нет. — Не спорьте. Нет, так будет! — Хорошую вещь написал Кузьмин. — Хорошую? Мы еще побачим, что это за хорошая вещь. — А вы ее читали? — И не собираюсь, но уверяю, что: много бы того... расхвостыть. Уверен, нет у Кузьмина остроумия, нет аромата. Еще до него добурелась! Слыхал я, что он опять разошелся с женой, а зарабатывает, между прочим, неплохо... Вот я вам расскажу, между прочим, анекдот. Идет Константин Симонов по улице и встречает Михаила Светлова...

Я дальше не слушал. Солнце пожелтело все выше. Море смеялось... А мне было не до смеха. Я с трепетом подумал: а чем черт не шутит, а что ежели такой Пуговкин или очень похожий на него Пуговкин-второй попадет в члены редколлегии какой-нибудь газеты, журнала или в рецензенты?

А море продолжало смеяться. Оно как будто говорило: «Нет, не попадет Пуговкин в члены редколлегии или рецензенты, это была бы очень плохая концовка для фельетона».

И я понемногу успокоился.

Г. РЫКЛИН

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ Реальна ли идея полета на Марс?

Марс, таинственный небесный сосед Земли, занимает наше воображение не сильнее, чем больше мы узнаем о нем. Самым волнующим нам представляется вопрос о том, есть ли жизнь на этой самой земледоброй из планет. Результаты наблюдений, накопленные учеными в течение веков, все еще недостаточны для завершения дискуссии на эту тему.

Сейчас телескопы всех крупнейших обсерваторий мира вновь направлены на яркую красноватую планету; приближается так называемое великое противостояние Марса, которое периодически повторяется через 15 или 17 лет. В момент нынешнего великого противостояния — 10 сентября — расстояние между Марсом и Землей сократится примерно до 56 миллионов километров.

Видимые в телескоп его размеры все увеличиваются, и в сентябре они будут в восемь раз больше, чем при самом дальнем его положении, когда он удаляется от нас примерно на 400 миллионов километров. Наиболее интересные общезвестные открытия, касающиеся Марса, были сделаны нашими и зарубежными учеными именно во время великого противостояния — в 1877, 1892, 1909, 1924, 1939 гг.

Однако и в эти моменты, ползуясь даже наиболее совершенными современными телескопами, можно различить лишь такие детали поверхности Марса, размеры которых измеряются не менее чем сотнями километров.

Таким виден Марс в современном телескопе. В северной части планеты — белое пятно. Полярные пятна Марса — крупные и легко всего наблюдаемые детали планеты. И ночью марсианской зимы полярники северной «шляпки» достигают 4—6 тысяч; летом она постепенно уменьшается. Белое пятно, расположенное на юге Марса, летом иногда совсем исчезает. Ученые считают наиболее вероятным, что пятно это — снег, лед или иней.

Телескоп из-за помех, создаваемых атмосферой, способен «приблизить» планету примерно лишь в тысячу раз, позволяя, таким образом, наблюдать ее как бы с расстояния не в 56 миллионов, а в 56 тысяч километров. Это еще слишком большая дистанция, с которой менее значительных подробностей не увидишь. Вот почему до сих пор не раскрыта загадка прямых линий, сплетенных в сетку, на поверхности Марса. Что это: грандиозные трещины или широкие каналы, растительность или орошающие каналы, построенные жителями Марса?

Наименее образным человеком сможет все-таки раскрыть тайну Марса? Остаются, на первый взгляд, единственные путь — отправить экспедицию астронавтов на ракетых кораблях. Проект Вернера Брауна, о котором мы упоминали в предыдущей статье, и ставил своей целью посылку экспедиции из 70 человек для исследования Марса, хотя известны далеко не все условия, с которыми человек встретится при таких полетах.

Экспедиция на Марс — не легкое путешествие. Полет туда и обратно по наиболее выгодной траектории займет, согласно расчетам ученых, 520 дней.

Характерной особенностью полетов на Марс, так и на другие планеты является то, что время старта с Земли и обратного отлета с Марса нельзя выбирать произвольно по воле путешественников. Дело в том, что и станция отправления — «Земля» и станция назначения — «Марс» не закреплены неподвижно в пространстве, а непрерывно перемещаются с космической скоростью по своим орбитам. Поэтому-то время отлета, маршрут и длительность полета межпланетного корабля нужно согласовать с взаимным положением Земли и Марса таким образом, чтобы, например, к моменту прилета корабля на орбиту Марса он оказался как раз в желательном для нас месте. Наиболее благоприятное для возвращения на Землю взаимное положение планет возникает не ранее, чем через 450 дней.

В этом отношении межпланетные полеты до некоторой степени напоминают выступления акробатов, перелетающих под куполом цирка с одной начавшейся траектории на другую: малейшая ошибка в расчете времени и координации движений акробатов и трапеций грозит им падением. Аналогично, но неизмеримо более сложное положение ожидает межпланетный путешественник: малейшая ошибка в исполнении «расписания» полета — и межпланетный корабль окажется между трапециями; он не попадет ни на Марс, ни на Землю и будет обречен на вечное блуждание в космосе.

На эту особенность межпланетных полетов не обращают внимания многие авторы проектов. В погоне за выигрышем в расходе топлива иные из них разрабатывают столь головокружительные насадки комбинаций различных траекторий, что вряд ли их астронавты при этом уцелеют.

Нам представляется, что эту задачу необходимо решать совершенно другим путем. В связи с серьезными трудностями осуществления первых экспедиций людей на Марс целесообразно начать его исследование посредством радиотелеуправляемых с Земли автоматических ракет, снабженных специальной аппаратурой, но без экипажа на их борту.

Предлагаемая автором программа таких полетов состоит из трех этапов. Первые два используются для того, чтобы выяснить, есть ли жизнь на Марсе. Делается это без посадки ракет на его поверхность посредством съемки планеты специальными электронными телескопическими устройствами с последующей передачей изображений на Землю по радио. Третий этап — высадка на поверхность Марса подвижной танкетки-лаборатории (также управляемой с Земли по радио) — для непосредственного исследования его поверхности, установления контакта с жителями

планеты, если они действительно там существуют, или, наоборот, установление факта отсутствия какой-либо мыслимой жизни на ней.

Это весьма важно для правильного решения проблемы полетов на Марс. Ведь может быть два варианта. Первый основывается на существовании мыслимой, разумной жизни на Марсе, второй учитывает отсутствие такой жизни. Возможность существования разумной жизни не является абсурдной и нуждается поэтому в практической проверке.

При благоприятном ответе значительно облегчится полет человека на Марс, ибо не исключено, что на Марсе окажутся как необходимые продукты питания, вода, воздух и т. п., а также и ракетное топливо, что очень облегчит бы и возвращение астронавтов на родную планету.

Самый полет радиотелеуправляемых с Земли автоматических ракет мыслится следующим образом: трехступенчатая ракета разогнается стратопланом, и последняя ступень ее выводится по специальной траектории на так называемую стационарную орбиту, отстоящую на 35810 км от земной поверхности. Она характеризуется тем, что движущаяся по ней тело совершает полный оборот вокруг нашей планеты за 24 часа, то есть как бы неподвижно висит над нами. Это очень удобно для управления ракетой с наземной станции радиотелеуправления.

Вывод ракеты на стационарную орбиту Земли и дозаправка ее топливом автоматическими же ракетами-заправщиками, также управляемыми с Земли, для дальнейшего полета и Марсу производится теми же методами, которые предлагались для радиотелеуправляемых ракет, предназначенных для исследования Луны». Расчеты

показывают, что для осуществления первого этапа требуется всего лишь ракет с стартовым весом по 50 тонн, из них четыре последующие ракеты используются для дозаправки первой на стационарной орбите Земли.

При осуществлении первого этапа, предпринимаемого для полета над Марсом на высоте 30 тысяч километров, будет прежде всего проверена работа аппаратуры радиотелеуправления, как наземной, так и бортовой, на всем пути полета ракеты. Во-вторых, будут получены изображения поверхности Марса с увеличением, которое эквивалентно телескопическому увеличению с Земли примерно в миллион раз. Это позволит рассмотреть детали, обладающие размерами уже не в сотни километров, а в несколько сотен метров. Такого увеличения достаточно, чтобы установить наличие или отсутствие искусственных сооружений на Марсе, подтвердить выводы членкорреспондента Академии наук СССР П. Тихова относительно наличия растительности на Марсе, получить достаточно сведения о рельефе планеты, наличии водоемов и т. п.

Радионавигационная аппаратура системы управления ракетой позволит уточнить координаты Марса. Кроме того, можно будет получить более точные данные о температуре на его поверхности.

Второй этап полета радиотелеуправляемых автоматических ракет включает полеты со стационарной орбиты Земли по полуэллиптической орбите до Марса с последующим превращением ракеты в его искусственный спутник. При помощи наземной радионавигационной станции, обладающей Марс и ракету, а также посредством бортовых радиотелеустройства, посылающих импульсы в моменты приема прямого отраженного от Марса сигнала, можно будет

высокой точностью координаты ракеты относительно Марса. Благодаря этому открываются возможности попутного радионавигационного выведения ракеты на любую желательную для нас орбиту относительно планеты, при весьма компактной бортовой аппаратуре.

Во втором этапе исследования Марса производится съемка изображений поверхности планеты тем же способом, что и на первом этапе, но на значительно более близких расстояниях (не в 30 тысяч, а в одной-двух тысяч километров). В связи с более длительным пребыванием ракеты на орбите искусственного спутника Марса и непрерывным вращением планеты вокруг своей оси таким способом можно будет постепенно получать изображение всей ее поверхности. Эти изображения будут иметь эквивалентное увеличение в 30 миллионов раз, что позволит различить детали, обладающие размерами в несколько метров.

По данным второго этапа производится полет до

ДОСТАЛ НАШЕЛ СВОЮ ДОРОГУ

Нет, с Досталом не все так просто. Конечно, с малых лет был он холлопом, как презрительно называли его богатые в деревне. Единственным достоянием его были сильные и редко бывавшие отходы души. На панскую землю Достал смотрел всегда с ненавистью и душой в работу на ней не вкладывал. Но когда после освобождения ему выделили на этой самой земле участок в целых четыре гектара, сказав: «Этот теперь твой земля», — с какой любовью взялся он за дело!

Многое изменилось в жизни Достала. Он спешил теперь на поле не по призывному звону с панского двора. Не слышал он больше и грубых окриков эконома. Потом сын, которому судья готовила покаяние, достиг зрелости и пообещав в господском доме, ушел в армию и стал офицером, дочь поступила в школу. Это бы мог почитать, что это его дети, а не накого-нибудь прежнего богатца!

Но вот однажды в его избу зашли секретари повятого комитета партии в Пинчове Тепельский, местный партийный работник Гондера и Курчина. Они пожали ему руку с какой-то особой торжественностью, словно подчеркивали этим важность дела, с которым пришли.

Первым начал Тепельский: — Послушайте, Достал, у вас в Млодзавках организуется производственный кооператив. Несколько крестьян уже решили вступить в него. Мы надеемся, что и вы...

Достал внимательно посмотрел на Тепельского: — Да, знаю. Об этом все говорят. Только я в кооператив не пойду. — Почему? — спросил Гондера. — Может, вы хотите кулаком стукнуть? Вы в прошлом батрак?

— Да, действительно, — спокойно ответил Достал, — я бывший холлоп, но в кооператив все же не пойду. А принуждать не имеете права... Принуждения, конечно, не было. Но когда однажды Достал пошел к Гондере с просьбой помочь достать уголь, Гондера прогнал его: — Убирайся вон, кулак!

«Кулак» не сказал ни слова, а обиду на Гондере и кооператив запрятал глубоко в себе, за семью печатями. Но эта обидка угнетала его, не давала покоя. И счастье от своей земли уже не казалось счастьем.

К крепким хозяевам его не тянуло, он даже избегал их. Ведь как и раньше, Достал оставался для них «панским холлопом», то есть стоял значительно ниже простого крестьянина. Но и среди тех, кто пошел в кооператив, не было места для Достала. Он оказался на боковой дорожке.

Тем временем создание кооператива подошло к концу. Председателем, как и предвидели многие, стал Курчина, бухгалтером — Годзин. Они сели в правление. Оно решало все, а больше заботилось, сколько трудовой приписать себе, своим женам и родственникам...

Кооператив лихорадило. У людей отпадало желание работать. Не хватало твердой руки, а кое-кто не хотел признавать никаких обязанностей. Конечно, не все были такими. Некоторые всей душой стремились двинуть вперед хозяйство кооператива, такие, как Финовский, Адамчик, Майхровский, Новак. Но их было слишком мало.

К тем, кто радовался неудачам в кооперативе, принадлежал и Достал. — Вот в какой балаган тянули меня, — усмехался он, — и чего только не обещали!

Скорее приехал к Досталу сын. Стройный, в мундире, ловко пригнанному по фигуре, он казался, по крайней мере, молодым панником, а не сыном батрана.

День 22 июля — праздник Возрождения Польши — отмечает весь польский народ. 12 лет назад в результате победы Советской Армии началось освобождение Польши от гитлеровских захватчиков, было создано первое в истории страны народное правительство.

В итоге выполнения трехлетнего и шестилетнего планов восстановления и развития народного хозяйства объем промышленной продукции в Польше в 1955 году в пять раз превысил довоенный уровень. В стране были созданы новые отрасли производства: новые города и промышленные центры появились на карте: гордость народа — металлургический комбинат имени В. И. Ленина в Новой Гуте, теплоэлектростанция Жерань, электростанция Явонжо-2, город Нове Тыхи, железнодорожный бассейн Ленчица, химический комбинат в Освенциме. На социалистический путь развития стала и польская деревня. Сейчас в стране насчитывается 10 600 коллективных крестьянских хозяйств.

В 1956 году польский народ вступил в свою первую пятилетку. В 1960 году Польша станет мощной индустриальной державой, которая даст в год 110 млн. тонн каменного угля, выплавит 7,5 млн. тонн стали, произведет 29 млрд. киловатт-часов электроэнергии.

Праздник день Возрождения своей родины, шахтеры Силезии, судостроители Гданьска, металлурги Новой Гуты гордятся достигнутыми успехами и еще увереннее смотрят в будущее. Сегодня мы публикуем очерк польского журналиста Юзефа Мортоня, рассказывающий о жизни деревни, о том, как изменилось сознание крестьян.

Узнав, что в Млодзавках существует кооператив, сразу же спросил: — Ты, отец, конечно, вступил в него? Достал опустил голову: — Какой там кооператив, сынок! Зачем мне туда лезть? — Не кооператив виноват, отец, а люди. Наверное, много набралось у вас летяев и пьяниц, потому и плохо. Я думаю, ты должен вступить в него. — А зачем? — спросил Достал. — Чтобы было больше толковых кооператоров, чтобы поставить хозяйство на ноги. — Но мне и без кооператива живется неплохо.

— В хорошем кооперативе станет еще лучше. Это тебе не панский двор, никто над тобой командовать не будет. Три дня отпуска сына пролетели быстро. Достал даже был рад тому — с утра до вечера сын досаждал его разговорами о кооперативе. Но вот он уехал, а легче не стало. — В хорошем кооперативе будет тебе еще лучше, — повторял он про себя слова сына. — А где же этот хороший кооператив? Я, что ли, должен создать его? Сын от книг шел и в книгу пришел, ему легко говорить.

Как-то ашел Достал на скотный двор кооператива. Решив посмотреть собственными глазами, как здесь хозяйничают. В распахнутой настежь двери стоял Курчина. Не подав Досталу руки, прорывался: — Ну что, надоело тебе кулаком жить? К нам пришел? — Надоело, коли так хочешь, — засмеялся Достал. — Говорят, хлев у вас полон скотины, а вы ничего не делаете, только спите да сны видите. Словом, не жизнь а масляница. Даже завидно.

Да, сплели, ховдывше по деревне, были недалеки от истины. Грязный хлев утопал в навозе. Худосочные коровы, тощие свиньи. Даже смотреть неприятно. — Ох, вы... — Достал это взглянул на Курчину. — Думали, что раз создали кооператив, так чужие будут здесь работать? Стыдно мне за вас, Франек, ей-богу стыдно. — Так пруди и помоги, может, и выйдет, — вырвалось у Курчины. — Приди, помоги! — громко засмеялся Достал. — А с кулацкой душой как же?

Еще раз обошел Достал хлев, взглянул в кормушки — заброшенные, грязные. Всюду не хватало хозяйской руки. А как хорошо можно здесь работать, сколько простора! — А что если попробовать? Взяться вместе с Майхровским, Адамчиком... Не получится, можно и уйти. Через месяц Достал принес в кооператив заявление. В нем была такая приписка: «За весь мой инвентарь, то есть лошадей, телегу, плуг и борону, не хочу

никакого возмещения, кроме одного — чтобы всегда мог взять их назад». — Взять или не взять? Это бы узнал конец этой истории, я специально поехал недавно в Млодзавы. Отправился на скотный двор, и первым, кого я увидел там, оказался Достал. Он узнал меня и дружески приветствовал.

— Вы остались в кооперативе? — спросил я. — А где же мне быть? Попробовал и остался. И сын со мной — трактористом работает. Но вы не думайте, что в кооперативе уже все в порядке. Вот наш председатель Майхровский расскажет обо всем. — А Курчина? — На прудах. Там бы ему и быть с самого начала. И хорошо работает! Подемте к Майхровскому. Он в конторе.

Контора кооператива помещалась здесь же, на скотном дворе, в маленькой комнатке. — Для конторы не очень подходящее место, — начал, извиняясь, Майхровский. Живые его глаза искренне и доверчиво смотрели на меня, словно мы были старыми знакомыми. — Но сейчас не контора главное. Нужно поставить на ноги хозяйство. А севернее оно еще выглядит. Действительно, не все в кооперативе еще в порядке, хотя положение улучшается с каждым днем. — Вот здесь будет новый свинарник, — показывал Майхровский на перегородки из цемента. — А старый для овец приспособим. Сейчас их у нас немного, всего 12, но через два-три года разведем больше. — Есть еще у нас люди, которые и на работу не выходят, главным образом женщины. В прошлом году местный совет дал нам в аренду за 16 тысяч złotych фруктовые деревья. Нашим людям не захотелось возиться с ними, их передали соседнему кооперативу. А если бы сами дожидались осени, заработали бы на фруктах около 100 тысяч. Ну, ничего, в этом году такой ошибки не сделаем. — А как Достал? — Ха, Достал! Он член правления. Долго не приходил к нам, но когда пришел, впереди других оказался. В прошлом году он с сыном больше всех трудовой заработали. Мы вышли на улицу. Недалеко от нас молодой Достал пахал поле. За его трактором жонглили ровные, прямые борозды. Старший Достал возился около лошадей. — Вот эта, — он похлопал по толстой, лоснящейся шее лошади каштановой масти, — моя. О плуге и земле, что внес в кооператив, кан-то все меньше думаю, а без мойки Гвинки тяжело мне. Он уже стоял на телеге, широко расставив ноги. И когда, натанув вожжи, размахнулся кнутом, удар пришелся не на Гвинку. — Но ленивая! — выкрикнул Достал. — Вся в хозяйня! Вот я тебе... — Гвинку ударьте, Гвинку! — сказал я. — Нельзя. Это моя. Хорошая лошадь! — И вы так говорите, Достал? Мне даже не верится. — Не удивляйтесь. Это так, глупость, остаток кулацкой души, — рассмеялся он. — Зато мой парень — вон, видите, кооперативное поле пахает. Для него трактор больше значит, чем для меня моя Гвинка. А я, ну что же, я старик... Но, — прокричал он еще раз и с грохотом выехал со двора. А трактор продолжал попрежнему фыркать, двигаясь вперед. Пласты земли стлались за ним, как отрезанные ножом ломти хлеба.

Юзеф МОРТОН, польский журналист

IX ФЕСТИВАЛЬ В КАРЛОВЫХ ВАРАХ

...Группа бедно одетых женщин в напряженном ожидании сидит вокруг большого стола. Перед каждой — узелок с едой. Это матери несправедливо привлеченных к суду четырех японских юношей, о судьбе которых рассказывает японский фильм «Полуденный сумрак». Они ждут — сейчас закончится суд, сыновья вернутся к ним, порадуется лепешкам, испеченным материнскими руками Ну, конечно же, сыновья сейчас встанут со скамьи подсудимых, ведь они невиновны, это только так сказал в своей речи господин адвокат. Раскрываются массивные двери, и судья мерным голосом зачитывает приговор: смертная казнь... пятнадцать лет каторги... двенадцать лет каторги... Ужас в глазах женщин, глубокое отчаяние на лицах юношей.

Так заканчивается японский фильм «Полуденный сумрак», который демонстрировался на фестивале и был тепло встречен собравшимися. Как только участники фестиваля покидают зрительный зал, тут же, у выхода, завязываются споры. В этих непринужденных дискуссиях уже в какой-то мере намечается решение международного жюри. Ведь кинокартины обсуждают не случайные зрители, а виднейшие режиссеры, актеры, литераторы, кинокритики разных стран. Здесь можно услышать, как темпераментно защищает свое мнение французский режиссер Луи Дакен и чуть медлительнее, обдуманно подбирая русские слова, оценивает увиденное М. Чесно Хельм, один из авторов сценария кинофильма «Эрнст Тельман — вождь своего класса», и как остроумно высмеивает Г. Рошаль не понравившиеся ему кадры, убеждая своих партнеров.

Сорюк одна страна участвует в фестивале, и обилие кинокартин вынуждает гостей в Карловых Варах знакомиться с тремя, а то и с четырьмя фильмами в день. С успехом прошел фильм «Эрнст Тельман — вождь своего класса», выпущенный киностудией ДЕФА. Хочется напомнить, что его первая часть два года назад также демонстрировалась на международном фестивале в Карловых Варах и была отмечена премией. «Кошка» — так называется испанский широкоэкранный цветной фильм, показанный в летнем кинотеатре более чем двумя тысячами зрителей. Сюжетом для сценария фильма послужила традиционная любовная история. Испания боя быков, «безумной» любви и «безумной» ревности — такой показана нам эта страна. В искусственно романтизированном фильме привлекает совершенство технического исполнения.

Другим цветным кинофильмом, демонстрировавшимся на кинофестивале, был «Люди из Хемсе» шведского производства. Картина сделана по роману классика шведской литературы А. Стриндберга. Личной, занимательной сюжет, завершенность характеристик и сочный народный юмор — вот, думается, те качества, которые предопределили успех этого интересного кинопроизведения. Содержание фильма можно изложить в нескольких фразах: Карлсон, новый работник на ферме, которая принадлежит вдове богатого крестьянина Флода, женится на хозяйке. Застав Карлсона со служанкой, ее жена, старая Флода, умирает от потрясения. Ее сын Густен мстит отчиму. Карлсон гибнет во льдах. Эта драматическая история в кинокартине приобретает широкое эпическое звучание. В «Людах из Хемсе» все время оутитым два плана: мирок мещанинских притворств и покоящийся плывущего Карлсона и стихия жизни народа, характерные черты быта которого мы находим в фильме.

Кинопродукция скандинавских стран была представлена на фестивале также норвежским фильмом «Штагандский автобус», рассказывающим о боевой деятельности норвежских партизан в годы второй мировой войны. Мы рассказали лишь о нескольких фильмах, показанных на фестивале. Жаль, что нет возможности рассказать о болгарском фильме «Это случилось на улице», поговорить о сильных и слабых сторонах западноевропейских фильмов «Супружество доктора Давидца» и «Дьявол в шелках».

В последние два дня участники фестиваля просмотрели английский фильм «Городок, как Алмаз» и аргентинский — «Последняя собака». Сюю продукцию покажут также кинематографисты Италии, США, Бразилии и других стран.

Ю. ГАВРИЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Международная почта

ЧЕТВЕРТОГО ДО УВАЖЕНИЯ ДАЛЕКОВАТО...

...примечательна у ю лекцию на тему: «Какими словами и выражениями следует пользоваться американцам, когда они имеют дело с филиппинцами. Г-н Хоэе Кристоль прежде был учителем и потому сумел одеть свои предложения в простую и доходчивую форму школьных правил. По словам нью-Йоркского журнала «Тайм», Кристоль порекомендовал американцам (как находящимся, так и не находящимся на Филиппинах): «военники советникам — не «инспектировать» филиппинские войска, а «наблюдать» за их действиями; экономическим советникам — не «одобрять» тот или иной филиппинский проект, а «соглашаться» с ним; туристам — не именовать филиппинцев «туземцами»; историкам — не называть «бандитами» филиппинских патриотов, сражавшихся за родину во время американо-филиппинской войны; компрессариам — не «давать», а «предлагать» помощь Филиппинам; всем американцам вообще — не твердить филиппинцам о «силе» США.

Нетрудно понять, что под видом критики бестактных выражений Кристоль на самом деле осуждает поведение американцев, которые по сей день продолжают относиться к Филиппинам, как к своей колонии. Из рекомендаций Кристоля вполне ясно, в частности, что американские советники чувствуют себя на Филиппинах хозяевами положения. Которые говоря, до «сострадания», основанного на взаимном уважении и понимании», пока что далековато.

НЕОСТОРОЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СО СВОБОДОЙ

СТАМБУЛЬСКИЙ корреспондент американского агентства Ассошиэтед Пресс сообщает о суде, состоявшемся в Турции на Ячлином Кайя, редактором журнала, выходящего в городе Бурсе, и издателем этого журнала Некати Акбуном. Редактор приговорен к году тюремного заключения и, кроме того, штрафу в 10 тысяч лир. Издатель отделался одним денежным штрафом, но зато, по сравнению с редактором, в десятикратном размере. Итого на двоих — год тюрьмы и 110 тысяч лир штрафа (около 40 тысяч долларов). Наказание весьма ошутимое. За что же? Чем провинились Ячли Кайя и Некати Акбун? Оказывается, поводом для судебного преследования послужил анекдот, опубликованный на страницах журнала. Вот он. Между продавцом газет и покупателем происходит диалог: Покупатель: — Есть «Свобода»? (название самой распространённой стамбульской газеты). Продавец: — Ничего не осталось. Покупатель: — Ну, хорошо, дайте мне «Жизнь» (так назывался очень распространённый журнал в Турции, переставший выходить из-за отсутствия бумаги). Продавец: — Разве может быть жизнь там, где нет свободы? Судья нашёл, что опубликованием этого анекдота редактор и издатель журнала «причинили ущерб политической репутации страны». Агентство Ассошиэтед Пресс подчеркивает, что вынос свое решение, суд впервые применил на практике новый турецкий закон о печати. Очевидно, закон даёт широкие возможности трактовать вопросы жизни и свободы...

ЭТА не совсем обычная история произошла недавно в лесном поселке Хоз Танне близ западногерманского города Ханнау. В конце войны американские военные власти реквизировали на десять лет дома некоторых местных жителей. Шли годы, последнее время эти здания пустовали. И когда истек срок конфискации, жители решили восстановить законные права на свою собственность. Одной из первых вернулась Урзула Шмитц-Шлагет. Ее примеру последовали многие соседи. Тогда же американские оккупационные власти потребовали освободить занятые дома, но натолкнулись на упорное сопротивление их владельцев. Урзула Шмитц, например, за-

«СУВЕРЕНИТЕТ» УРЗУЛЫ ШМИТЦ

баррикадировала двери и заперлась в подвале. Американцы «облокотились» дом уличными. Они выставили у окон вооруженный пост и дали ей двенадцать часов «на размышление». Такой же «блокада» подвергся инженер Диво. По истечении двенадцати часов военные полиция еще раз попыталась захватить блокированные помещения, но безуспешно. Жители Хоз Танне не капитулировали. В конце концов американцы, как сообщила гамбургский журнал «Дер шингел», «отказались от своих претензий». Так мужественные люди из маленького немецкого селения отстаивали свои права.

находящемуся в несправедливом забвении, как за его сборник стихов «Солнце стоит низко», появившийся в 1924 году в ста десяти экземплярах, так и за его творчество вообще. Двести тысяч франков присуждены молодой бельгийской поэтессе Диллан Вутерс за сборник «Форсированный марш». Диллан Вутерс отвечает первоначальным условиям премии: она неизвестна, она плода, она прекрасна надежды». По собранным сведениям, ей двадцать шесть лет, она из тех фламандцев, в жилах которых течет испанская кровь, отец ее был эвангелистом в старом фламандском городе Форн. Диллан Вутерс — учительница в одном из беднейших кварталов Брюсселя. У дверей ресторана, в котором жюри заседало за обеденным столом (как это водится во Франции), ждала толпа журналистов и фотографов. Имена лауреатов были настолько неожиданными, что растерявшиеся «буквисты» не učinилии обещанного скандала и тихо разошлись. Теперь следовало бы дать переводы стихов Ламбура и Вутерс. Но это уж как-нибудь в другой раз.

Эльза ТРИОЛЕ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

„Ночь поэзии“

Уже третий раз в Париж съезжаются на Международный фестиваль драматического искусства лучшие театральные труппы всего мира. Тринадцать стран в 1954 году, двадцать одна страна в 1955 году (среди них Китай с Пекинской оперой, имевшей небывалый в Париже успех), семнадцать стран в 1956 году принимали участие в фестивале. Спектакли идут в огромном муниципальном Театре Сары Бернар. В этом году в цикл этих спектаклей неожиданно врезалась «Ночь поэзии».

Благодаря тому, что французское радио и радио других стран транслировало спектакль и переключило позтов разных стран, в эту ночь над миром царил поэзия. В зале Театра Сары Бернар зазвучали голоса поэтов Бельгии, Швеции, Италии, Бразилии, Германии и Советского Союза. Прочитав в газетах, что из Москвы будет говорить Семен Кирсанов, мы пошли «на Семена Кирсанова».

Устроители «Ночи поэзии» ставили двоякую цель: во-первых, почтить поэзию, во-вторых, собрать за эту ночь возможно больше денег, так как сбор предназначался в виде премии для молодого неизвестного поэта за наиболее интересное поэтическое произведение, появившееся после 1 января 1955 года, причем уточнялось, что, несмотря на желание открыть нового Рембо, выражение «молодой поэт» не следует понимать буквально и что молодым поэтом можно было бы назвать в свое время Стефана Малларме, несмотря на его сорокалетний возраст. Жюри, состоявшее из поэтов Арагона, Жильсона, Бокто, Невей, Олдрифта, Ревелди, Фоме и композитора Орлик, должно было вынести свой приговор поэме, по прочтении яви, присланных издателей. Устроители спектакля, хороший поэт и издатель Шер Сергер и Андре Парнио, главный редактор газеты «Ар», составили программу, первым делом заручившись согласием поэтов «звезд», на которых обычно народ валит валиком; во, будучи

Аудитория невнятно погулала в ответ. Но тут же Парнио объявил: «Джаз-оркестр Лютера исполнит «Луковницы!» И зал восторженно приветствовал, очевидно, любимице «Луковницы».

По сборной программе вечера можно было легко судить о вкусах юношей и девушек в черных свитерах: они любят джаз и презирают пошлую паточку, а потому Лютеру они аплодировали, а Тиаю Росси, знаменитого тенора, которого, в части для него, передавали по радио из соседнего театра, где он поет в оперетте, они оставили так, что его не было слышно. Но когда «звезды» в пятах из блестя, привычно выкидывая ножку, заехали на слова Аполлинера, которого молодые поэты читают и знают наизусть, в зале наступило неловкое молчание, и от стыда слушатели не смеи взглянуть друг на друга... Когда вышел известный цыганский тенор Клаво и объявил, что он будет петь романс на слова Арагона, мне стало скучно... Во всеобщему удивлению, он неожиданно спел хорошую песню и ушел под аплодисменты. Диалог из современного пьесы в стихах не понравился, и сверху дельовито крикнули: «Будет! Дрян!».

Иностранцы поэты выступали во второй части программы. Радиоаппаратура стояла в одной из лож: ящики, шуруры, подмигивающие глазки... «Здесь Радио-Брюссель... Здесь Радио-Брюссель...» На сцене Андре Парнио говорит в микрофон: «Это ты, Жан Мужен? Как ты поживаешь? — Ничего, спасибо, а ты как живешь? — отвечает Жан Мужен из Брюсселя. Следуют вопросы о поэзии, чтение стихов... Но пока мы слушали голоса из Брюсселя, Рима, Стокгольма, Рио-де-Жанейро, на сцене орудовал художник...

Весь фон огромной сцены Театра Сары Бернар был занят натянтым холстом. Появился художник. Он скинул пиджак, развстал галстук, засучил рукава, принес ведро, тазы, тубыинок красок, лестницу, размешал в тазе и ведрах краски, вооружившись половыми цветками, сосредоточился, ринулся на полотно... Вой с картинной шель под оглушительный хохот публики, худож-

ник, разъярсь, отшвырнул голову от тубыинок зубами, рубашка на нем взмокла, брызги раскрасили и рубашку, и лицо, и брыки. По холсту текли цветные ручьи, кое-где расплывались в огромные клыасы. Вдруг все это кончилось, и художник ушел. В зале выли от смеха.

Во когда объявили Москву, публика заинтересованно затихла. «Алло, Москва! Алло, Москва!» — вывал Парнио. Но Москва не давалась... Семена Кирсанова мы услышали в самом конце передачи, но довольно отчетливо и ясно. Богда он прочел свой перевод из Верлена, в зале зауныбались и радостно захопалаи, так это было по звукам и ритму похоже на французский текст. Не знаю, дошли ли до радиослушателей в Москве эти аплодисменты. Признаться, я испытываю при всяком для меня новом применении радио священный ужас и восхищение перед этим сказочным изобретением. Подумать только, я сижу в парижском театре, а Семен Кирсанов выступает в студии в Москве, и мне слышен его зычный голос... Разве не чудеса, разве к этому можно привыкнуть?!

Не буду утруждать читателей пересказом всех перипетий «Ночи поэзии». Скажу только, что поэт Анри Пинетт прочел прекрасную поэму, которую прослушали с большим вниманием, несмотря на ее длину, и если б Пинетт не был поэтом уже известным, то премия следовало бы дать ему. Отмечу появление на сцене индигатора и директора фестиваля г-на Жюльена, который объявил, что спектакль дал шестьсот тысяч франков; конечно, еще неизвестно, кому жюри их присудит (тут сверху закричал молодой голос: «Мне! Мне!»), но если господа «буквисты» чем-нибудь недовольны, то, будьте любезны, на сцену, он готов с ними обняться... И г-н Жюльен направил свои вышутельные мускулы.

И, наконец, скажу несколько слов о «кибернетическом танцовщике». Скульптор Никола Шейффер создал металлическую скульптуру, похожую, скажем, на сложный семафор, фирма технического оборудования «Анонимное общество Филипп» смонтировала в скульптуру «зеле-